

ЖИВАЯ СТАРИНА

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

■ Обычай *Vožična Devetica (Novena di Natale)* на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

■ Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации

ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА: ПЕСНЯ

■ Об одном забытом жанре: песня-попурри

ЭКСПЕДИЦИИ

■ Особенности религиозно-этических и мифологических представлений жителей села Адамово Республики Бурятия

Тетрадь с рукописными религиозными текстами (Костромская область)

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

- М. В. Ясинская. Обычай *Vožična Devetica (Novena di Natale)* на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность 2
- Ю. М. Кувшинская, А. А. Заикина. Народные паралитургические традиции в Мантуровском районе Костромской области: практики и тексты 6
- П. Ф. Лимеров. Практика поминальных трапез в коми традиции 12
- С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин. Плачевая культура Нижнего Поволжья и Подонья 16

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

- Е. А. Клюйкова, С. Ю. Королёва, М. А. Брюханова. От основания до затопления. Устная история Майкорского завода 22
- С. Ю. Королёва, Е. А. Клюйкова, Н. А. Швецова. Воспоминания о деконструкции завода в рукописях Николая Слобожанинова 28
- Н. Н. Рычкова, В. А. Черванёва. Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации 32

ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА: ПЕСНЯ

- Р. Ф. Пятаев. Чужеземный правитель грозит захватить страну: сюжетно-мотивный анализ исторической песни 35
- В. А. Воробьев. Материалы к истории студенческих песен в Российской империи XIX — начала XX в. 38
- С. Ю. Неклюдов. Об одном забытом жанре: песня-попурри 41
- М. Г. Белодёдова. Колыбельные песни Архангельской области 48

АРХИВНАЯ ПОЛКА

- Д. И. Кузнецов. Семейная реликвия: альбом матроса Ю. П. Кузнецова (1959 г.) 52

ЭКСПЕДИЦИИ

- К. А. Федосова, А. П. Проценко. Особенности религиозно-этических и мифологических представлений жителей села Адамово Республики Бурятия 57

ЮБИЛЕИ

- А. В. Черных. К юбилею Владимира Леонидовича Кляуса 61

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- С. А. Ивашишкина, К. Е. Килимник, Д. С. Кирпичникова, А. А. Коростелева, Л. И. Михеева, В. Е. Столярчук. Новые электронные издания по фольклору и традиционной культуре 62
- О. В. Белова, М. В. Ясинская. Коротко о книгах 67

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. В. Ромодин, Н. Ю. Альмеева. Конференция памяти Виктора Аркадьевича Лапина 68
- М. В. Ясинская. Содержание журнала «Живая старина» за 2022 г. 71

Проект реализован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грант предоставлен
ООГО «Российский фонд культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

2022 год — Год культурного наследия народов России

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный Рос-
сийский Дом народного творчества им.
В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский
этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом народ-
ного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения,
профессор, Российская академия музыки
им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профес-
сор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный
гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профес-
сор, Институт славяноведения РАН, Наци-
ональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

Екатерина Александровна Клюйкова, кандидат филологических наук,

Светлана Юрьевна Королёва, кандидат филологических наук,

Мария Анатольевна Брюханова,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ОТ ОСНОВАНИЯ ДО ЗАТОПЛЕНИЯ. УСТНАЯ ИСТОРИЯ МАЙКОРСКОГО ЗАВОДА

Аннотация. В публикации представлены фрагменты интервью, записанные в Юсьвинском районе Пермского края в 2020 г. Они включают местные предания о Майкорском заводе и устные воспоминания о его затоплении в середине прошлого века.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская культура, Строгановы, Демидовы, исследования памяти, устная история, затопление

На высоком берегу, откуда раньше открывался вид на заводскую площадку, установлен мемориальный знак «Металлургический завод. 1811–1955». Подобно тому как на памятке пишут дату рождения и смерти человека, тут тоже указаны две временные точки: год основания и год затопления Майкорского завода. И досоветская история предприятия, и его утрата отражаются в устной традиции современного поселка Майкор, расположенного в Коми-Пермяцком округе Пермского края. В 2020 г. сотрудники Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национально-исследовательского университета провели здесь полевое исследование, выявившее, в каких нарративах воплощается локальная память о (ранне-)заводских формах культуры. Часть собранного материала мы представляем в этой публикации¹.

ОТ СТРОГАНОВЫХ К ДЕМИДОВЫМ: СЮЖЕТЫ ГОРНОЗАВОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Уральские горнозаводские предания и фольклоризованные рассказы отражают историческое развитие края, особенности мировоззрения и условий жизни рабочих [8. С. 4]. В Майкоре пласт преданий о ранней истории поселка сравнительно невелик, что объясняется постепенной сменой населения и уменьшением числа коренных жителей. В текстах возникает фамилия промышленников Строгановых, которые владели этими землями с 1702 г.:

У нас, оказывается, вокруг Майкора было 49 деревень! Они слились сейчас с Майкором. Но вот эти вот названия Строгановщина, потому что были владения Строгановых, а уже там были Абамелек-Лазарева — Чёрмоз² [ШНА].

Майкорский (первоначально — Никитинский) завод был основан в 1811 г. Всеволодом Всеволожским, к которому перешла часть строгановских

земель, а в 1883 г. выкуплен и значительно модернизирован Павлом Демидовым. Но иногда в числе владельцев предприятия в рассказах фигурирует и Строганов:

Ну, как деревни: вот Мальковщина, Филёвщина, Федоровщина. У старых людей спрашивала, где кончается Федоровщина, где это. Оказалось, что по тракту идёт по ту сторону Строгановщина, а по эту Федоровщина. [А почему такие названия?] А Строгановщина — Строганова же завод-то. <...> Поместье-то, это было строгановское всё [НТА].

Замена настоящего владельца более известным заводчиком типична для горнозаводских текстов; на Урале в роли «универсальных» заводладельцев чаще выступают представители династии Демидовых [11. С. 113–114; 16. С. 303–304, 355–356]. Для майкорской традиции оказывается значимой и память о первых владельцах территории из рода Строгановых.

Завод становится «своего рода форпостом цивилизации, окруженным символическим универсумом крестьянской культуры» [18. С. 109]. В устной памяти жителей поселка сохраняются воспоминания о празднике, который связывается с приездом П. П. Демидова в Майкор. Встречая важных гостей, жители сделали арку из цветов и украсили ее лентами, выразив таким образом свое почтение. Заводовладелец, в свою очередь, позаботился о том, чтобы для рабочих были накрыты столы:

Демидов сюда приезжал два раза. Первый раз он приехал в конце XIX века. Рабочие его встретили со стороны [деревни] Быкова, где сейчас у нас стоит часовня. Встретили они его шикарно. Они там ему арку сделали из цветов, там шариков, ленточек. В цехах были поставлены столы, на столах были даже рыбные пироги. Это же у нас блюдо святое — рыбный пирог! И бочка с водкой, [ее давали] в специальных кружках. И вот рабочие... есть воспоминания, рабочие-то приносили эту кружку домой — показать, как сувенир. Ну, это, знае-

те, как от Путина кружку получить. И эти рыбные пироги, значит, всё — он красиво угостил [ШНА].

По всей видимости, на содержание праздника повлияла существовавшая в календарном цикле некоторых горнозаводских поселений традиция отмечать именины владельца. Такие празднования, несмотря на локальные особенности, имели похожую структуру, которая включала в том числе обед и угощение рабочих крепкими напитками [9. С. 154; 17. С. 25–27]³. Бабушка нашей собеседницы пересказывала детям и внукам свои детские впечатления от встречи со знатными гостями:

Потом он [Демидов] вышел в здании конторы, сейчас вам покажу, там был балкон. И вот моя бабушка рассказывала <...>: «Мы бегали, там вышли такие в шляпках дамы, и они разбрасывали на площадку там горошки конфеток и монетки. А мы бегали между там...» И вот эта вот элита оказалась. И вот она говорит: «Мы эти горошки вот тогда вот пробовали» [ШНА].

В первой половине XIX в. в Майкоре был построен деревянный храм Богоявления Господня. В 1950–1960-е гг. здание церкви использовалось как школа, сегодня с ним связываются активно бытующие рассказы о подземных ходах. Подобные тексты составляют важную часть уральского горнозаводского фольклора⁴. По мнению В. П. Кругляшовой, их возникновение и распространение обусловлено «в том числе наличием материальной основы — действительным существованием подземных ходов, подземелий, тайников», строительство которых вызывали риски, связанные с освоением Урала [10. С. 5]. В майкорских преданиях есть несколько версий, куда ведут церковные ходы; считается, что в одном из них спрятан клад:

А сколько про эти подземные ходы разговоров? Да что тут вообще! Что якобы на постройку этого храма были отпущены золотые империялы и их якобы куда-то положили в подземный ход. И вот сколько человек ищет вот эти вот подземные хода, чтобы эти золотые империялы найти. Легенда! Но то, что подземные хода, это точно. Потому что один ход выходил якобы вот сюда, под берег, а другой вёл к дому священника. Третья легенда говорит, что вообще он вёл к кладбищу, эти подземные хода, да [ШНА].

Устная традиция объединяет церковь, сеть подземных ходов и прицерковное кладбище в единый сакральный локус. В одном из текстов похороненные на этом кладбище выступают как хранители поселка, которых нельзя «тревожить»:

Меняли вот эти столбы. И когда у церкви меняли, они [рабочие] пробурили и попали в этот ход. Как, грит, оттуда как раз только это! — полетело в воздухе, и такой запах старый-старый! Грит: «Ой, нельзя, всё», — сказал. Машиной бурили. «Всё, остановите, не надо! Нельзя тревожить». Передвинулись — и дальше. [Нельзя тревожить кого?] Ну, подземный ход, церковь — это как бы святое считалось. Нельзя вредить церкви, (...) она тебе обратно отобьёт всё равно. (...) Да, они как охраняют Майкор, они святые церковные, они старались для людей, всё они. Нельзя их прах тревожить, и всё, нельзя. Они помогают нам как бы с того света, они охраняют, помогают, поэтому нельзя. Бог наказывает [НТА].

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАТОПЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: МЕЖДУ УСТНОЙ ИСТОРИЕЙ И ФОЛЬКЛОРНЫМ НАРРАТИВОМ

При строительстве Камской ГЭС и создании Камского водохранилища в 1954–1955 гг. в разной мере пострадало около 300 населенных пунктов, располагавшихся в нескольких районах Пермской области [19. С. 122]⁵. В зону затопления полностью или частично попали и промышленные территории, в том числе город Дедюхин вместе с солеваренным заводом, металлургические заводы в городах Добрянка и Чёрмоз, поселках Майкор и Пожва. Несмотря на значительные масштабы затопления прикамских территорий, память об этом событии стала привлекать внимание исследователей только в последние годы. Историк Г. А. Янковская указывает, что — в отличие от г. Мологи Ярославской области или с. Кежмы Красноярского края, где созданы коммунитаривные сообщества и вокруг

затопленных объектов развивается историко-культурный активизм, — в Пермском крае подобные практики почти отсутствуют [19. С. 127–129]⁶. Между тем здесь еще возможно записать живые воспоминания о создании так называемого Камского моря и затоплении территорий, и публикации таких воспоминаний — пусть немногочисленные — начинают появляться [12. С. 367–387; 18. С. 107–130]. Специфика майкорских рассказов будет понятна лучше, если рассмотреть их на фоне данных, относящихся не только к Пермскому краю и другим российским регионам [15], но и к странам на территории постсоветского пространства, имеющим аналогичный опыт форсированной и жесткой индустриализации [1; 4; 5; 6].

Исследуя устные рассказы о принудительном переселении, осуществлявшемся в 1954–1960 гг. в Центральной Украине в связи со строительством Кременчугской ГЭС, И. М. Коваль-Фучило видит их постепенную «фольклоризацию» в наличии клишированных речевых оборотов, в стереотипных элементах тематического наполнения (повторяющихся мотивах), а также в самой практике рассказывания/пересказывания такого рода воспоминаний [6. С. 221]. Опубликованные материалы из разных регионов России и Украины показывают, что конкретный набор мотивов зависит от исходных ландшафтно-климатических условий проживания, а также от того, насколько далеко осуществлялось переселение и какими были новые условия жизни.

К числу универсалий относится отмечаемая исследователями идеализация покинутого и затопленного места; по их мнению, идиллические картины прежней жизни «соотносимы с распостраненными в народных культурах

утопическими образами “земель обетованных»» [18. С. 121]. Идеализируются природные условия и местоположение села, собственная усадьба, взаимоотношения в сельском сообществе [5. С. 73–75]. Так, покинутая земля описывается как защищенная от ветров [12. С. 371], невероятно плодородная [1. С. 56–57; 5. С. 74], хорошо подходящая для выпаса домашнего скота [1. С. 56, 58; 15. С. 41], воспоминания о ней включают множество микропонимов, указывающих на ее обжитость, освоенность [1. С. 56–57; 6. С. 76–77]. Прежний дом окружен почти райским садом и цветами [1. С. 58; 4. С. 38; 5. С. 77], все жители трудолюбивы и дружны [5. С. 79].

Ситуация вынужденного переселения описывается как своего рода «изгнание из рая» (хотя в устных рассказах эта метафора не вербализуется прямо). Трагедия усиливает необходимость собственноручно разбирать или сжигать родовой / недавно построенный дом [1. С. 60; 15. С. 42; 4. С. 38; 5. С. 78; 6. С. 222–223], вырубать цветущие яблони [4. С. 39], забывать или продавать любимую домашнюю скотину [4. С. 38; 15. С. 42; 12. С. 371]. Иногда прощание с обреченным на затопление домом сопровождается персональными ритуальными действиями: причитанием, плачем по нему, чтением «прощальной» молитвы [4. С. 38–39; 18. С. 123]. Рассказы о переселении включают упоминания о перезахоронении родных [4. С. 39; 15. С. 42], последнем посещении кладбищ, слезах, переживаниях о покидаемых могилах [4. С. 39; 15. С. 42–43]. Всплывшие после затопления гробы приходится спешно вылавливать из воды и хоронить [4. С. 39–40]. Последних жителей выселяют насильно [1. С. 60; 4. С. 38], в единичных текстах гово-

Представители администрации и служащие Майкорского завода. 1910-е гг. Из фондов Майкорского музея

Молебен в честь закладки каменной церкви в Майкоре. 1916 г.
Из фондов Майковского музея

Храм Богоявления Господня. 1920-е гг.
Архив Т. А. Неволينو

рится о семьях, которые не покинули свою землю и были затоплены вместе с ней [1. С. 60]⁷. Если часть поселения остается на суше, находятся люди, продолжающие жить там в полном одиночестве [12. С. 383–385].

Новое место всегда противопоставляется старому и наделяется негативными характеристиками: это «голая степь» или «гора» [1. С. 60, 63; 4. С. 38; 6. С. 218, 220; 12. С. 371], здесь дуют ветры [4. С. 38; 12. С. 371], вблизи нет «настоящей» (из природного источника) воды [4. С. 39; 5. С. 76; 12. С. 371]. Во время переезда люди действуют «всем миром», помогая друг другу [6. С. 224–225; 12. С. 374], однако построенные наспех / наемными работниками жилища получают низкими, холодными, неудобными [6. С. 225–226; 12. С. 377]. Часты упоминания о том, что утраченные дома, сады и угодья продолжают снится вынужденным переселенцам [15. С. 43; 4. С. 38; 5. С. 75; 6. С. 220]. Если они остаются жить поблизости, они приходят на берег посмотреть на свои затопленные дома, ищут место, где они стояли [6. С. 219; 12. С. 368].

Ряд особенностей обнаружен исследователями в устной традиции Северного Прикамья, в том числе г. Чёрмоза, в 1924–1959 гг. являвшегося центром Чёрмозского района (к нему тогда относился и пос. Майкор). Характеризуя память о затоплении Чёрмозского завода, Е. М. Четина и И. Ю. Роготнев отмечают, что «затопление [исторической части] города и связанный с ним демонтаж градообразующего предприятия («старого завода») закономерно осмысляются

Улица Заводская в Майкоре. Конец 1920-х — 1930-е гг. Архив Т. А. Неволينو

носителями крестьянского сознания в эсхатологическом ключе», неслучайно старожилы называли затопление Великим потопом [18. С. 117]. Переселенцы из исчезнувшей деревни Турьямор, располагавшейся между Чёрмозом и Майкором, связывали с затоплением ряд традиционных сюжетов мифологической прозы; адаптация фольклорных схем к актуальным событиям происходила и на соседних территориях⁸.

УТРАТА МАЙКОРСКОГО ЗАВОДА

В Майкоре исторический контекст воспоминаний о затоплении несколько иной. Жители остались в своих домах, стоящих на высоком берегу Иньвенского залива, но под воду ушли окрестные деревни, сенокосные угодья, а также главное промышленное предприятие — Майковский завод. Перевод в Майкор Иньвенского рейда не дал поселку быстро прийти в упадок. И всё же затопление завода стало одним из

тех событий истории XX в., которое воспринималось старшим поколением глубоко трагически.

Среди воспоминаний о затоплении завода встречаются рассказы о демонтаже предприятия. Наши собеседники, бывшие в тот момент подростками, участвовали в разборе цехов и печей.

Печей там было 45 шт, большие очень, когда проводили демонтаж завода, эти печи отдавали под разборку, папа взял одну печь и разбирал с Николаем ст. сыном, а мы с Надей чистили кирками кирпичи и складывали в стопы по 1000 шт в особом порядке, потом мастер приходил принимал работу и папе выплачивали деньги, так мы работали наверное половину лета ходили как черти мазанные от этой работы, но гордились, что мы тоже вносим свой вклад в семью [НТА]⁹.

А потом, когда завод-то сломали, мы ходили с мамой это чистили и сдавали

этот кирпич. Не сдавали, а заставляли эти печи-то разбирать. Они длинные, эти печи, вот мы эти печи-то ломали и чистили, складывали в эти... [Говорят, что кирпич в основном в Чёрмоз весь отправили.] А куда его? Вывозили всё сперва туда вверх, около Горок [пос. Горки], всё выгружали, весь металлолом, всё, весь завод вывозили на поездах туда. И вот когда завод-то ломали, мы тоже кирпич-то чистили, ну, там соревнование было тоже это, чистили, дак скоко там! <...> Куда-то его увезли, весь кирпич увезли его они. Мы его в вагоны даже грузили <...>. Не знаю, куда его девали, весь металлолом, весь завод, потом ещё остатки мы тоже сдавали, собирали это всё [ГРХ].

В интервью неоднократно встречаются воспоминания о том, как жители Майкора выходили на берег, плакали и прощались с заводом (в рассказах об этом событии приводится формула — сетование заводчан: «Кормильца увозят»).

Когда завод стали ликвидировать в [19]55-м году, Камская ГЭС, они [люди] стояли. Это тоже вот воспоминание, народная память, что весь народ вышел на берег реки, на который я вас щас поведу: «Кормильца увозят...» Они, говорит, просто плакали. Они считали, что вот с заводом сейчас всё, жизнь заглухнет. И вот, говорит, весь берег, вот эти вот машины шли в Тёплую гору, увозили вот это оборудование, доменную печь разбирали, и весь народ плакал: «Кормильца увозят...» [ШНА].

Знаете, вот которые работали старики на этом заводе, [они] плакали, сидели на берегу. Завод годы, годы поил, кормил, содержался посёлок в хорошем состоянии, тут у нас культура высокая, всё! Так хорошо было. И плакали. И вот музей-то вот решил мужчина один создать, собирал данные¹⁰ [НТА].

Понимаете вот, действительно, это было градообразующее предприятие. Поэтому и плакали. У нас человек, у нас же всегда верили: вот царь-батюшка сменится, ага, вот будет лучше или будет хуже. А тут завод увозят, кормильца увозят! А с ним и культура, и какая-то социальная сфера... Вот я помню, даже когда в [19]82-м году Брежнев умер, <...> вы знаете, у нас был такой шок: а кто щас придёт? И вдруг что-то будет хуже? Поэтому <...> когда завод увезли, действительно, эта была смена [ШНА].

Некоторые майкорцы наблюдали, как постепенно прибывает вода, затопливая низину¹¹:

[Когда воду пускали, говорят, даже народ стоял и чуть не плакал на берегу реки.] Дак конечно же. Как [по-другому]? Понятно! Я только слышала, кто рассказывал, не знаю. По-моему, С. Г. говорит, у него мама

жила, на берегу дом был построен, вот тут за Быковским мостом, ближе туда. «Вот мы, — говорит, — стояли, и трава вроде была, ну, там покосы же были. Я, — крик, — помню, как эта вода шла: сначала вот так по щиколотки всё топило, потом выше-выше-выше». Ну, подпор воды вот шёл с той стороны, вот затопило. <...> Вот я от его слов помню, он потому что там на берегу жил: «Я видел, как эта вода наступала». Это же не так, не дай бог, [что] где-то плотину прорвало, нет. Это же тихонько там [СОБ].

Большой бедой для многих рабочих семей стало затопление сенокосных угодий: это лишало людей возможности держать лошадей и коров. Боль вынужденного расставания с домашней скотиной, переживания о ее дальнейшей судьбе — типичный мотив воспоминаний о затопленных селах.

Да, старики на берегу сидели и плакали. Я не видела, это по рассказам. Вот эта Фаина Сошникова [рассказывала], <...> она сестра [Николая Михайловича] Слободжанин[ов], который основал вот этот музей. <...> И вода подходила, и покосы затопило. И корова вот... баржи приходили, и [туда] сдавали скота. И через нас гнали с колхозов на забой скота. Стадо гонят на лошадях всадники. И гонят, прогнали на баржу, потом ещё... и коровы стояли недоенные там и ревели. В загоне стояли, их силком загоняли в загон. [А мы] год мучились, траву собирали на корову, но невозможно было, тяжело. Мы уже взрослые, кто-то учиться ушёл, кто-то что... И вот папа увёл её. Я впервые видела, как он плакал сидел. Коровы кормила много-много лет. Была такая небодривая, такая спокойная, такая хорошая, такого сероватого цвета. [Пришлось сдать, потому что покосы затопило?] Да, покосы. Если во время, когда завод был, вот где кладбище,

там на той стороне луга такие, луга. И там выделяли по полгектара на корову. А щас залило всё [НТА].

Вспоминая о заводской жизни, которую наши собеседники застали детьми, они часто упоминают гудок, определявший ритм жизни рабочих семей:

Да, завод кормил, он ведь сколько лет существовал, вся жизнь был завод. Гудок был. С восьмью [часов] работали. С восьмью до четырёх, с четырёх до двенадцати, с двенадцати снова до восьми. Трёхсменно. [И гудок гудел три раза?] Гудел в семь часов, чтоб подымались рабочие, в восемь чтоб на работе уже были. Потом, значит, следующая смена так же: в три часа, в четыре. И вечером, и ночью вот так он гудел, всегда гудел. В войну-то работали по двенадцати часов, но гудок тоже так же был. Днем-то чё, по привычке, видимо, давали гудок от завода. Часов-то, ну, у кого-то, может, были, у кого-то нет, но чтоб не запаздывали. Брат старше меня, он больше написал [в воспоминаниях], интереснее. И пишет, как вот шли женщины по тротуарам в деревянных этих башмаках и стоял такой стук, грохот. На завод шли, да. С обувью были проблемы: или лапти, или это вот у бедных-то [НТА].

О том, насколько тяжело переживалась рабочими завода его ликвидация, можно судить по рассказам о школьной постановке 1970-х гг., в которой использовалась запись заводского гудка. Привычный звук вызвал у зрителей слезы, превратив школьный спектакль в спонтанную коммеморацию. Декорация, созданная для постановки, сохранилась и теперь входит в экспозицию поселкового музея.

Храм Богоявления Господня. Современное состояние. Фото С. Ю. Королёвой

Кухня с подвесными хозяйственными полатами. Фото С. Ю. Королёвой

Самодельная деревянная мебель в доме В. С. Давыдовой напоминает о заводском времени. Фото С. Ю. Королёвой

И вот как раз вот эта [учительница] Нина Николаевна Е., когда писала литмонтаж про наш завод... Они закрыли этого учителя рисования в клубе и сказали: «Пока за ночь нам не нарисует завод... [мы тебя не выпустим]». Он за ночь им нарисовал задник вот такой для этого... Я ещё раз говорю, когда этот монтаж [показывали], учителя сказали, что эти старожилы, они прямо плакали даже, встали [ШНА].

[КВФ:] Это уже было, значит, когда я уже в школе работала <...>. У нас был спектакль, мы, значит, ставили по этой... [ШНА:] Про завод. [КВФ:] Да, про завод. <...> И мы приглашали людей, которые работали вот на этом заводе. Понимаете? Там... гудок там был. В девять часов прогудит — всё, уже бумажку должны сдать. <...> Вот опоздал — всё уже, тебя посадят в тюрьму. [МЛФ:] Не пустят. [КВФ:] Не пустят на завод. Мы, значит, об этом заводе спектакль стали ставить. <...> В нашем клубе задник был такой, значит, — вот эта доменная печь и всё такое. И вот Нина Николаевна нашла вот этот гудок. <...> Где уж, как? Записанный. Вы

понимаете? А мы, значит, пригласили всех, кто вот в заводе работал, бабушки, и всё. Мы-то уже репетировали много раз, мы к этому гудку-то привыкли, что гудок это делается <...> и мы как начинаем выступать. А тут, значит, как гудок-то подали! Как они в зале-то все заревели! Это было вообще! Вот это была, значит, доменная печь нарисована. А рисовал этот задник Редькин Геннадий Алексеевич, а он, значит... [ЧТФ:] Художник. [КВФ:] Да, художник, у нас майкорский художник. Он нам задники всегда рисовал, и вот завод он рисовал. [А этот задник сейчас где?] [ШНА:] У меня в музее. [КВФ:] Вот этот задник и был повешен. Вот тогда мы даже не думали, что вот так с залом-то у нас будет, такой контакт будет. <...> [ЧТФ:] Это [19]60-е, даже 70-е года.

В майкорских записях нам не встретились эсхатологические мотивы, изображающие потерю завода как начало конца света. Рассказы современных «постзаводских» жителей имеют более спокойную тональность и содержат множество подробностей о жизни рядом с затопленным предприятием. Фундаменты заводских корпусов видны в период мелководья. Жители поселка приходят на них посмотреть, фотографируют их:

[Говорят, то место, где эта доменная печь стояла, его даже видно.] Его, знаете, когда видно? — когда уходит вода. Там даже вот эти фундаменты свайные стоят. <...> Есть у меня где-то в старых фотографиях, с угора я фотографировала. Вы знаете, даже вот рядами. Как раньше строили, а?! Фундаменты под водой, они до сих пор целы! Они вот прямо в ряд вот так. Вот так вот и стояли. Когда вода ушла, сушь была, и вот их прямо-таки видно. И я говорю: «Во! Заливали дак заливали!» [СОБ].

Мужчины и подростки достают со дна реки остатки чугуна, металлические фрагменты конструкций, старый кирпич:

[ГАЮ:] Всё ещё металлолом [на дне реки] собирают. [ГРХ:] Эти печи — вот мы на рыбалку туда, когда воды-то нету весной, на рыбалку идёшь — эти всё ещё кирпичито... [ГАЮ:] Они целые. [ГРХ:] Эти вывозили так, на лодках погрузят и оттуда вывозили. Он крепкий такой кирпич.

Взрослые жители Майкора помнят местоположение шлюзов на заводской плотине. Их названия стали микротопонимами и используются в обиходе как ориентиры:

Мужик идёт рыбачить и говорит: «На Малой Забойке рыбачил». Это шлюзы! Которые, если весна, приоткрывали, лишняя вода уходила. Мало воды — закрывали, вода накапливалась. <...> Вот у нас, я говорю, названия такие типичные: Малая

Забойка. «Уехал на Большую Забойку рыбачить» [ШНА].

Посещаемым местом является незатопленная часть дамбы — Шлакóвка, которую строили на протяжении многих лет, сливая туда шлак. Сегодня она используется для купания, отдыха и рыбалки:

Там прямо видно, как выливали эту горячую лаву и она так вот пластами и лежит застывшая. <...> Вот это самая плотина... Вообще мы сейчас её называем Шлакóвка, потому что там шлак. <...> «А на Шлакóвку съездили покупаться, отдохнуть», «А на Шлакóвке!» Тоже местное название. Вот мы сейчас здесь купаемся, там купаемся, на Шлакóвку ездили купались [ШНА].

По сравнению со многими другими населенными пунктами, пострадавшими от строительства ГЭС и затопления территорий, жители Майкора рано установили на берегу памятный знак в честь утраченного завода. Он появился к началу 1980-х гг.:

[А вот не помните, откуда этот знак, который в саду, «Майкорский завод»?] Помню, это мы его там заливали. Вы не спрашивайте. Мы его ставили. <...> Я тогда работала в сейсморпартии техником-строителем. Мы собирались, вот как комсомольцы, ну, сколько нас там человек было? Я не знаю. Рыли большущий такой... Сказали, что будет постамент, что вот в память о заводе, и всё. Какой он и что, нам не показывали. <...> Был вырыт, вы знаете, как вам сказать? Траншея. Она глубиной, наверное, метра два была, такая здоровая, всё такое. [Всплескивает руками.] «Ну, наверное, такой могучий будет?» Но когда привезли вот эту треножку... Ну, я же техник-строитель по специальности, я вроде заглядываю в эту яму: «Я не поняла, а для чего оно так было глубоко вырыто?» [Смеется.] Мы потом замаялись это заливать. <...> Это где-то, наверное, [19]80-й, 79-й [год]. <...> Я была поражена этой ямой, котлованом, который был вырыт. Парни выкидывали [землю] — их даже видно не было. Вы представляете? Эту землю кидали оттуда. Я думала, что-то такое будет могучее. Но когда это принесли, вот такие рогульки... [Смеется.] Я говорю: «И всё? А яма для чего?» [СОБ].

Несмотря на юмористический тон рассказа, наша собеседница, как и другие жители Майкора, время от времени приходит к этому мемориальному знаку. Он напоминает об ушедшей эпохе, в рассказах о которой сквозит заметная ностальгия.

Примечания

¹ В выезде приняли участие С. Ю. Королёва, М. А. Брюханова, А. В. Королёв. На основе собранного материала описаны имеющая промышленную основу микро-

Представители зажиточных семей с. Майкор. Кадры майкорского фотографа-любителя Павла Баянова. 1910-е гг. Архив Т.А. Неволоиной

топонимия и используемая майкорцами индустриальная лексика, а также вещный мир поселка, воплощающий память о заводе. См. об этом: [3; 7].

² Пермское имение — Чёрмозский горнопромышленный округ — было куплено у баронов Строгановых И. Л. Лазаревым в последней трети XVIII в. Центром имения был Чёрмоз, где работал Чёрмозский металлургический завод, один из крупнейших на Урале. Его последним владельцем был князь С. С. Абамелек-Лазарев. В советское время Майкорский завод в течение нескольких лет был присоединен к Чёрмозскому.

³ Сходные праздники неоднократно описывались в газетах. Так, в «Пермских губернских ведомостях» за 1861 г. сообщается о торжестве, устроенном на Верхнеуфалейском заводе (современная Свердловская область) в честь отмены крепостного права и именин владельца: пока тот был на церковной службе, «вся дорога, ведущая от церкви к господскому дому, была усажена свежими березками, ворота дома украшены гирляндами, венками и вензелем именинника. Девочки, в праздничных нарядах, посыпали эту дорогу цветами». Старшина и выборные при стечении народа поднесли владельцу завода хлеб и соль и прочли «безыскусственные» стихи, а хозяин пригласил их на обед с шампанским; день закончился иллюминацией и фейерверком [13. С. 681–682]. В том же году в день тезоименитства императора на Кузье-Александровском заводе (современный Пермский край) для жителей были приготовлены закуска и столовое вино; праздник также завер-

шился иллюминацией и фейерверком [14. С. 536].

⁴ Примеры подобных текстов см. в [9. С. 88–90, 181–185, 251].

⁵ Подробнее о создании так называемого Камского моря см.: [2].

⁶ Мемориализация затопленных территорий происходит и в Украине, где множество сел исчезло в связи со строительством каскада ГЭС на Днепре. И. М. Коваль-Фучило выделяет такие современные социальные и ритуально-символические практики, как издание любительских книг о переселенных населенных пунктах, ежегодные встречи переселенцев, установление памятных знаков (мемориальных досок, часовен, крестов) вблизи водохранилищ, создание вышитого рушника с названиями затопленных сел, панихиды по умершим бывшим жителям и т.п. [5. С. 73, 80–82].

⁷ Уже отмечалось, что многие мотивы устных рассказов о затоплении территорий ранее отразил В. Г. Распутин в повести «Прощание с Матёрой» (1976): покидая деревню на Ангаре, жители пытаются перезахоронить родных; главная героиня разговаривает и прощается с родителями на их могиле; она «готовит» дом к смерти, побелив потолок и тщательно вымыв полы» [18. С. 122–123]; Матёра описана как утраченный рай, ее затопление — трагедия, сравнимая с Великим потопом, и т.д.

⁸ Переезду жителей предшествовал дурной знак — пожар и «исход зверей»: люди встречали змей, лесных птиц и животных, бегущих из леса. Во время переселения вместе со всеми на новое место пытаются

перебраться нечистая сила [18. С. 126]. Одиноким женщинам помогает переезжать незнакомец, который потом навещает ее по вечерам и оказывается чертом [18. С. 120]. Пожилая жительница д. Питер, которая не хочет переселяться, останавливает взглядом лошадей, перевозящих другие семьи [12. С. 377], и т.д.

⁹ Воспоминание записано рассказчицей и прислано собирателям в письме в 2022 г.; фрагмент публикуется с сохранением авторских пунктуации и орфографии.

¹⁰ Речь идет о Н. М. Слободянинове — бывшем заводчанине, основателе Майкорского музея, авторе очерков о Майкорском заводе; см. статью С. Ю. Королёвой, Е. А. Ключиковой и Н. А. Швецово в этом номере журнала.

¹¹ Аналогичная практика описана в воспоминаниях бывших жителей д. Питер Юсьвинского района: «Дом моего папы до затопления стоял (...) напротив причала. Когда папа был жив, то он часто ходил туда и говорил, что осталось еще два метра до их огорода. А вся остальная территория уже ушла под воду...» [12. С. 382].

Литература

1. Боса Л. Зміни ландшафту Подніпров'я у XX столітті як соціокультурна проблема // Народна творчість та етнологія. 2012. № 4. С. 53–64.

2. Глушкова А. Создавая «Камское море»: как строительство ГЭС изменило Прикамье в середине XX века // Properm.ru. 2019. 26 февр. URL: <https://properm.ru/news/society/166706>.

3. Ключикова Е. А., Королёва С. Ю. Материализованная память. Вещи в рассказах

о Майкорском заводе // ЖС. 2022. № 3. С. 28–35.

4. Коваль-Фучило И. М. Рассказы переселенцев из зоны затопления Кременчугским водохранилищем // ЖС. 2014. № 3. С. 38–40.

5. Коваль-Фучило И. Утраченное место в воспоминаниях о принудительном переселении и в социальных практиках // Фолклористика. Т. 5. № 1. 2020. С. 73–88.

6. Коваль-Фучило И. М. Осмысления примусового переселения из зоны затопления Дністровським водосховищем (за матеріалами усної історичної наради) // Слов'янський світ / голов. ред. Г. А. Скрипник. Вип. 13. Київ, 2014. С. 215–231.

7. Королёва С. Ю., Ключикова Е. А. Память о Майкорском заводе в языке и семейных рассказах местных жителей // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 118–133.

8. Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

9. Кругляшова В. П. Предания и легенды Урала: фольклорные рассказы. Свердловск, 1991.

10. Кругляшова В. П., Демина Л. А. К эстетике и морфологии преданий (на

материале современных рассказов городской рабочей среды) // Фольклор Урала. Вып. 6: Фольклор городов и поселков / ред. А. С. Торощина. Свердловск, 1982. С. 3–17.

11. Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

12. Нестерова Р. Беседы с памятью, или Легенды и были Роданова городища. Пермь, 2021.

13. Петров. Важный факт по крестьянскому делу // Пермские губернские ведомости. 1861. № 45 (10 нояб.). С. 680–682.

14. Рязанов Г. Вести из Кузье-Александровского завода // Пермские губернские ведомости. 1861. № 38 (22 сент.). С. 536.

15. Сибирская Атлантида (рассказы переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС) / публ. О. В. Фельде // ЖС. 2014. № 3. С. 40–44.

16. Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод / отв. ред. А. В. Черных. СПб., 2021.

17. Черных А. В. «Графские столы»: о некоторых местных праздниках на заводах Урала // ЖС. 2021. № 3. С. 25–27.

18. Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010.

19. Янковская Г. А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 119–137.

Список информантов

ГАЮ — Гарифулина А. Ю., 1946 г.р., род. в Октябрьском р-не Пермского края.

ГРХ — Гарифулин Р. Х., 1940 г.р.

КВФ — Корякина В. Ф., 1943 г.р.

МЛФ — Мехоношина Л. Ф., 1951 г.р.

НТА — Неволлина Т. А., 1941 г.р., краевед.

СОБ — Ситёва О. Б., 1958 г.р.

ЧТФ — Чадова Т. Ф., 1949 г.р.

ШНА — Швецова Н. А., 1963 г.р., учитель истории, директор Майкорского музея, краевед.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20-18-00269 (проект «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала»).

Светлана Юрьевна Королёва, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Екатерина Александровна Ключикова, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Нина Андреевна Швецова, Майкорский краеведческий музей

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕКОНСТРУКЦИИ ЗАВОДА В РУКОПИСЯХ НИКОЛАЯ СЛОБОЖАНИНОВА

Аннотация. В публикации представлены фрагменты «Воспоминаний о Майкорском металлургическом заводе» и очерк «Ликвидация завода», которые написал потомственный заводчанин, основатель местного музея Н. М. Слобожанинов. Рукописи датируются концом 1960-х — началом 1980-х гг.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская культура, память, затопление, наивная поэзия, эго-документы

Николай Михайлович Слобожанинов (1898–1984) — потомственный заводчанин, работавший на Майкорском металлургическом заводе и, по всей видимости, искренне любивший производственный процесс. Люди подобного склада редко садятся за печатную машинку, подтолкнуть их к этому могут лишь исключительные обстоятельства. Таким обстоятельством стала деконструкция действующего завода, вызванная строительством КамГЭС. Переживая это событие как утрату, Н. М. Слобожанинов сделал три дела, о которых раньше, скорее всего, не помышлял: основал поселковый музей¹, создал макет исчезнувшего завода

и оставил рукописные воспоминания. Он записал рассказы старожилов Майкора и написал собственные сочинения, среди которых «Воспоминания о Майкорском металлургическом заводе» (1969) и «Ликвидация завода» (1980). Рукописи хранятся в фондах Майкорского краеведческого музея.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И «ПУТЕВОДИТЕЛЬ» ПО ЗАВОДУ
 Любительские произведения, написанные с установкой на художественность или документальность, зачастую отличаются неожиданным смещением разных жанровых признаков. Но даже на фоне уже известной исследователям

«наивной» словесности «Воспоминания о Майкорском металлургическом заводе» являются уникальным документом. Личные воспоминания автора сочетают элементы семейной хроники и зарисовки индустриального пейзажа с точной технической информацией о расположении корпусов и работе заводских агрегатов. Тетрадь с рукописью содержит множество рисунков — чертежей заводских машин и схематичного изображения производственных процессов².

«Воспоминания» начинаются как семейная хроника. Автор рассказывает о своем отце — рабочем завода, попутно сообщая немало этнографических подробностей, относящихся приблизительно к 1910-м гг.:

Завод я стал познавать с самого раннего возраста — детства. Помню, отец мой с работы приходил всегда чёрным от пыли угольной и нефти, видны натуральными, были, только глаза да зубы.

Приходя домой, он умывался с мылом, лицо от этого нескóлько прояснялось, а руки не промывались даже в бане.

Верхняя одежда от нефти блестела и была пропитана насквозь. Утром уходя на работу, за ним по дороге далёко тянулся след от лаптей, они за ночь, дома просыхали и пыль теперь легко отделялась, после каждого шага. Если он приходил из ночной смены, то после завтрака ложился спать на западню к печке и всегда с книжкой, которые он приносил с собой из завода [Л. 2, 2 об.].

Память автора о детстве «укоренена» в заводском ландшафте. На эти вос-

Две статьи в этом номере журнала посвящены исследованию памяти о затопленном в 1955 г. Майкорском заводе (Юсьвинский р-н Пермского края) — на материале устной истории (с. 22–28) и эго-документов (с. 28–32)

◀ Макет завода (фрагмент). Из экспозиции Майкорского музея

▼ Вид на Шлаковку — незатопленную часть дамбы. Фото С. Ю. Королёвой

Мемориальный знак в честь Майкорского завода. Фото С. Ю. Королёвой

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- Л. Н. Виноградова (Москва). Очкур — предмет одежды и *очкур* — слово
- Д. И. Антонов (Москва). Вотивные дары в постсоветской России
- Д. Ю. Доронин, М. М. Эль-Факи (Москва). Шиллоханские образовницы: биография промысла

▲ Остатки заводской плотины. Фото С. Ю. Королёвой

◀ Панно с изображением Майкорского завода. Художник Г. А. Редькин. Из экспозиции Майкорского музея